

Письма с войны

Эти письма - из военного архива известинской почты, который в последнее время, увы, практически перестал пополняться. Он сложился из воспоминаний, присланных в газету в основном в 80-90-е годы, когда уже можно было безбоязненно говорить и писать о Великой Отечественной войне правду. Ту, которую фронтовики сберегли до новых времен, - бесценно честную, без помпезной риторики, опровергающую мифы сталинской историографии войны.

В письмах нет панорам знаменитых сражений, описания ключевых операций. Есть - свой полк, однополчане, окоп, траншея, поле боя, лес, госпиталь, лагерный барак. "Моя война". Жизнь на войне. Что-то, можно предположить, происходило не в точности так, детали забылись. Но это война каждого прошедшего через нее, оставшаяся с ним до гробовой доски.

К 60-летию Победы мы планируем издать большой сборник писем, так и назвав его "Моя война".

И мы поняли, что это война

Антон Николаевич СЕМЯШКИН, Пермь: Наша 17-я стрелковая дивизия, 271-й стрелковый полк, где я проходил службу, базировалась близ Полоцка. В мае-июне начали передислоцирование в сторону границы. Был приказ перейти на летние лагеря. И когда началась война, комдив воскликнул: "Чем же я буду воевать, подушками что ли?!" Приказ основывался на словах Сталина: "Не поддаваться на провокации". В результате ни один патрон, ни один снаряд не был отправлен вместе с нами, все осталось на складах. Не то что воевать - застрелиться было нечем!

Надежда КОРЕНЕВА, Душанбе: В 41-м группа студентов Ленинградского кораблестроительного института вступила в отряд, который направлялся в тыл к фашистам. Среди них был мой брат Илья Куцев. У нас хранится его единственное прощальное письмо. "Дорогие, любимые мама и папа... Я так люблю вас, а выразить этого не могу. Вы были для меня такими родителями... До этого дня я всегда делал все с вашего разрешения, а вот сегодня поступаю самостоятельно, хотя думаю, что вы мой поступок одобрите. Я уйду на войну добровольно. Остаться в стороне в мои годы - преступление перед самим собой, своей совестью..." Письмо стало совсем ветхим, написано карандашом, буквы выцвели, хотя мы знаем его наизусть. Мама возвращалась к нему до последнего вздоха. А может, где-то есть могила и обелиск, где написано его имя? Был Илья 21 год.

Модест Маркович МАРКОВ, Анжеро-Судженск: За две недели до войны нас собрали в доме комсостава и прочитали лекцию: "Германия - верный друг Советского Союза". Танки поставить на консервацию, боеприпасы сдать в артсклад. Я прибежал в парк в 00 часов 30 минут. В небе гудят самолеты. Настроение у всех веселое: начались маневры. Первый бомбовый удар - по складу. Крики: "Это учебные цементные бомбы!" Второй заход - и удар по соседнему батальону. Крики: того-то убили, тому-то оторвало ноги... Только тогда мы поняли, что это война.

Я видел в эти первые жуткие дни стреляющихся в висок, плачущих бойцов и командиров, детей, ползающих вокруг убитых и раненых матерей, брошенные санитарные части с еще живыми ранеными. В окружении, замкнутом пятью кольцами, нас непрерывно бомбили, на нас сыпались всякого рода пропуска (я не видел, чтобы кто-то их брал), но мы не видели ни одного своего самолета, который сбросил бы нам весточку: что нам делать, как поступать. Питание, боеприпасы, горючее - все было уничтожено в первый день. Мы рвались на восток с какой-то безудержной яростью. Два кольца прорвали, а в третьем перед Слонимом застряли, уже не было никаких сил...

Я прошел все круги фашистского ада: гестапо, тюрьма, штрафная рота, концлагеря Флоссенбург и Бухенвальд. А потом два проверочно-фильтрационных лагеря нашей контрразведки "СМЕРШ". Именем "Берия" ставили на колени и остальное прочее. Всего не напишешь...

Всеволод Иванович ОЛИМПИЕВ, Ленинград: На рассвете 27 июня, когда автоколонна авиационных частей

двигалась на Барановичи, отказал двигатель нашего грузовика, и нам пришлось продолжать путь пешком. Неожиданно впереди притормозил груженный с верхом "ЗИС". Из кабины выбралась женщина с грудным ребенком на руках и кинулась в лесок, видимо, по нужде. Грузовик тут же тронулся. Недолго думая, я вскинул трехлинейку и дважды выстрелил по удалявшейся машине. Не знаю, попал или нет, но машина остановилась. Сколько таких рыдающих офицерских жен с младенцами мы встречали потом... Так вот получилось, что мои первые выстрелы на войне были сделаны по своим.

Дмитрий Кузьмич КУЦЕНКО, Харьков: 176-я стрелковая дивизия была расквартирована в Бельцах, на Пруте. Боевую задачу нам всегда ставили одну и ту же: противник форсировал Прут и движется в северо-восточном направлении. Нужно разгромить врага и захватить Яссы. Так целый год и "захватывали". О тактике окружения понятия не имели, никто этому не учил. Но после июня прошли все на практике, воюя винтовкой с танковыми колоннами и "мессерами".

Перед самой войной прибыло новое оружие: самозарядные винтовки с ножевым штыком. На отделение полагалась одна, выдавали самому рослому. Остальные завидовали, а счастливицы гордились и считали себя непобедимыми. В первых же боях новое оружие оказалось непригодным - магазин, засорившись песком, не срабатывал.

Мы не сдавались - нас сдавали

Д.Н. СЕМЕНОВА, Симферополь: Горе и боль семей так называемых без вести пропавших, отправленных в фашистские лагеря, вопиют о справедливости. Как сказал отец моей невестки: "Мы не сдавались - нас сдавали".

Е.Е. ЗАЕВ, Белгород: Знаете ли вы, что в 1700 году Петр I издал указ "О даче жалования выходцам из полону за полное терпение и за рану"?

В. МАЛЯВИН, Севастополь: Все попавшие в плен, чохом, были признаны "великим полководцем" вне закона, и нацисты могли истреблять и истребляли нас беспощадно. Вернись его сын Яков Джугашвили из плена, он бы, думаю, спросил отца народов: почему большая часть кадровой армии оказалась в первые же два военных года в лапах врага, брошенная на произвол судьбы? Наверное, отец понимал, что его спросят, и не хотел встречи с живым сыном. При этом имел полную возможность его спасти.

Александр Терентьевич УШЕВ, Гомельская область, Костюковка: В войну мы у себя дома повидали немало бежавших из плена - кормили, оставляли на ночлег. Они рвались на фронт. При мне, в облаву, расстреливали пойманных. Но многим удалось уйти к партизанам, а оттуда - опять в армию. Знаю и таких, кто по мобилизации попал в полицию и, получив оружие, ушел в лес. В 43-м в 16 лет я сделал то же самое. В нашем отряде пленных и окруженцев было процентов 80. Вообще партизанское сопротивление во многом опиралось на них. Абсолютно подавляющее большинство ничем себя не запятнало, воевали честно. Плен - это маневр. Самоубийство из-за угрозы плена, если хотите, преступление. Плен дал шанс не только выжить, но и продолжать борьбу.

Г.А. ПОПОВ, Москва: Мне, врачу норильского лагеря, тоже заключенному, пришлось встретиться с теми, кто после немецкого плена попал за проволоку дома. Однажды прибыл большой этап. Среди них много бывших пленных, и врачей предупредили, что их надо изолировать от других: особо опасные. У одного - вся грудь в рубцах от ожогов. Летчик, его подбили, уже горящий, он сумел выпрыгнуть и оказался на финской территории. И этот человек - особо опасен для Родины?

Николай Андреевич ДЕРНОВОЙ, Кабардино-Балкария, Майский: Летом 45-го союзники привезли бывшим своим пленным новенькое обмундирование, присвоили очередные звания, выплатили деньги, "заработанные" за годы плена, и отправили домой самолетами. А нам, мне досталось по несколько госпроверок, и проходили мы их в той же "форме" узников, с клеймом на спине.

Г.С. БОЖКО, Омск: Моего брата Колю, Николая Ельцова, призвали в армию в конце 41-го. В начале 42-го, зимой, он на несколько часов забежал домой, стриженный, в маскировочном халате, с лыжами - отпустили попрощаться перед отправкой. Таким он и остался в моей памяти, в глазах, мой старший брат, которому еще не исполнилось двадцати. Смелый, открытый, добрый мальчик. Пропавший без вести. Но когда в Новодвинске поставили памятник погибшим, нашей фамилии на нем не было. Нашу семью окружали добрые люди, знавшие нас, мы не ощутили на себе косых взглядов. А каково другим?

Е.В. МИНДЛИН, Москва: Пропавшие без вести погибли в боях за Родину. Попавшие в плен - воевали за нее.

Огонь!

В. ВОЛОШИН, Каменец-Подольский: В Южной Озережье во время одного из крупных морских десантов, когда основные силы из-за огня противника не смогли подойти к берегу и высадка была прекращена, полторы тысячи человек, успевшие высадиться, держали, истекая кровью, свой плацдарм. А командование об этом даже не знало. К берегу подходили на мелких судах, но почти все они загорелись, и мы добирались вплавь. Нас уничтожали из всех видов оружия, большинство не доплыло. Некоторые выходили на берег в натальном белье. Уже выпал снег, но вода и земля были красными. Впереди - минное поле, по нему мы ползли к огневым точкам. Кто-то повторил подвиг Матросова, другие врукопашную выбивали фрицев из траншей. И плацдарм мы все-таки захватили. На трое суток. Боезапасы кончились, связи и помощи - нет, за спиной - море, а у нас - море тяжело раненных. На снегу их и оставили. На всех на них потом выписали и послали родным извещения: пропал без вести.

Леонид Иванович СОЛОВЬЕВ, Московская область, Одинцово: Мы увидели этот "Ил-2", когда он выскочил из-за леса со стороны передовой. Штурмовик летел без прикрытия. Его догонял "мессер" - зашел в хвост и дал очередь из пулемета. Но "Ил" сумел уклониться, сильно разогнавшийся немец проскочил мимо, делая длинную горку для нового маневра. У всех у нас на наблюдательном пункте сердце защемило от боли: собьет, гад! Тут к нам в землянку вдруг вбежал человек в генеральской форме, без фуражки и ремня. Выхватил у радиста микрофон и крикнул ему: "Давай!" Запели умформеры, радиостанция наведения заработала. "Мотор - четыре, мотор - четыре, я - первый, я - первый, слушай мою команду! Газу! Газу!" Когда расстояние между самолетами стало снова сокращаться, генерал скомандовал: "Пикируй, набирай скорость!" Штурмовик клюнул носом и помчался к земле. На мгновение немец оторопел, затем, тоже бросив машину в пике, устремился вдогонку. Расстояние уменьшилось настолько, что немец вот-вот мог открыть огонь. Генерал завопил: "Тормози!" Сбросив газ, штурмовик, задрал нос, встал в воздухе на дыбы, как конь, остановленный на полном скаку. "Огонь!" Штурмовик ударил всеми пушками и пулеметом... Мы только и успели увидеть, как разлетались обломки "мессера". Штурмовик валился на хвост. Генерал помогал: "Газу, газу... а то хвост о землю отобьешь". И штурмовик медленно карабкался в небо.

Мы кричали "ура", стреляли и кидали вверх фуражки. Генерал постоял молча, устало, как будто он сам только что был за штурвалом, и сказал в микрофон: "Сынок, награждаю тебя орденом Красной Звезды". Удалявшийся самолет покачал крыльями.

Анатолий Павлович ФЛЯГИН, Москва: Отступая, немцы закреплялись в селах, окапывались в теплых украинских хатах, прорезали в стенах амбразуры для пулеметов. А нам приходилось наступать со стороны открытого поля, как правило, ночью, но все равно несли огромные потери, получали пополнение, снова наступали, а продвинуться вперед не могли. Ночи холодные, метель. Мне - 18 лет. Охватывало отчаяние: никогда не взять этих двух сел на пригорке. Но к концу февраля нам дали на подмогу пять танков и взвод реактивных установок. Появились они неожиданно, когда в ротах оставалось уже меньше половины людей. Огненный смерч "катюш" был сокрушительным. До меня вдруг донесся странный шум, от удивления я даже прекратил стрелять. В предрассветной тьме увидел на правом фланге бегущих вперед бойцов. Мчались, ныряя в сугробы, танки. Смертельно враждебная степь ожила, согрелась от людского единства. К полудню оба села были освобождены. Пережитое тогда чувство счастья осталось во мне навсегда.

Так умирали и так спасали

Иван Иванович ЛЕСОВОЙ, Харьковская область, Золочев: Бои за плацдарм на Гроне, притоке Дуная, начались после затишья на рассвете 17 февраля. На узкий участок фронта немцы бросили три пехотные и две танковые дивизии СС, на таран клиньюми шли 400 танков. Санрота нашего полка размещалась в центре деревни Солдины. Сдерживать натиск не хватало сил, на линию огня ушли писари и повара, грозило окружение, батальоны начали отходить. Вывозить раненых почти невозможно, мы клали их на пол. Они просили только пить. В глазах - обреченность. Пожилой солдат спросил меня: "Оставьте нас? Что ж, бегите. Нам, видно, судьба такая".

Их 33. Кто-то без сознания, кто-то уже коченеет, в остальных еще теплится жизнь. Если бы по-быстрому в медсанбат! На школьном дворе в укрытии стояли резервные повозки. Вынесли людей на руках, и обоз двинулся в путь. Выехали на пригорок и увидели: дорога к каналу, через который можно выехать к речной переправе, забита горящими машинами, слева, стреляя в упор, ползут немецкие танки. Справа, полев, оставляя Солдины, уходят стрелковые роты.

Вскочив на переднюю повозку, я взял вожжи. Лошади чувствуют беду, в этом я убеждался много раз. Петляя полев, перенесли нас через кювет. И вдруг за ним - глубокий овраг. Какие-то ездые выпрягали лошадей,

уезжали верхом. Но у нас-то раненые! Вновь удивили лошадки. Мы умоляли их, помогали им. Поднимаясь наискось крутым склоном, все в мыле, они вытянули! Нашелся в какой-то деревеньке медсанбат, который принял наших раненых. Надеюсь, что спас их.

Бои продолжались несколько дней, а через неделю 7-я армия вынуждена была отойти за Грон.

Л. ДОМРАЧЕВА: Профессор Валентин Семенович Кофман был главным хирургом армии. Продолжатель дела Пирогова, очень талантливый врач. Помню, я ассистировала ему, когда началась жуткая бомбежка. Здание задрожало, я инстинктивно кинулась к дверям. Он спрашивает совершенно спокойно: "Куда вы? Забыли, что операция не закончена?" Когда падала штукатурка, прикрывал рану и ждал затишья. А нам советовал прятать головы под стол. В последний раз я видела Валентина Семеновича, когда он приехал в госпиталь и сообщил, что ночью придет машина, чтобы эвакуировать врачей. Позже узнала, что он отдал свое место в самолете медсестре Кононовой, у которой был грудной ребенок. А сам остался с ранеными.

Игорь Иванович БЛАГОВ, Феодосия: В Могилеве для спасения раненых были оставлены несколько врачей-коммунистов: Владимир Петрович Кузнецов, Алексей Иванович Паршин, Федор Ионович Пашанин. За одну ночь, оставшуюся в их распоряжении, они переписали сотни историй болезней. Политработники и командиры превратились в рядовых, а то и жителей, пострадавших от бомбежек. Для пущей убедительности той же ночью командиров постригли наголо. Госпиталь был спасен. Потом с помощью местных подпольщиков и партизан сотни людей были переправлены к ним. Но врачей предали. После зверских пыток в гестапо их повесили 17 ноября 41-го года на главной площади.

А еще был случай...

А. ЧУРОВА: Когда немцы входили в Харьков, на Клочковской улице им навстречу выбежала девушка с букетом цветов, протянула офицеру и выстрелила в него.

Леонида МАРТИНКЕВИЧ, Борисов: Немцы очень боялись партизан и по болотной местности всегда ходили с колами для опоры, а оружие - навесу, на шее, и периодически стреляли по кустам. В тот раз они гнали впереди себя для прикрытия женщин с детьми. Я несла на плечах младшую, а старшую волокла за ручку. И вот пожилые немецкие солдаты на коротких стоянках, таясь от офицеров, совали нам что-нибудь съедобное и подбадривали, чтобы я не отставала, а то пристрелят. Я видела, как эти солдаты, когда могли, гладили наших детей незаметно по головкам и худым плечикам, хотя за жалость могли поплатиться. Когда нас погнали к Лепелю, один старый немец, который говорил по-русски, сказал мне, чтобы я исхитрилась и бежала. Мне удалось это сделать.

В. ЛИТВИНОВ, Москва: В августе 1943 года санитарный поезд привез в Москву на Белорусский вокзал солдат и офицеров с Западного фронта. Одних выносили, другие сами брели, опираясь на костыли и палочки. За всей этой массой изуродованных войной людей тянулся по перрону запах хлороформа и йода. Нашу группу поместили в небольшой комнате. Напротив меня за столом сидел боец лет тридцати в солдатской форме, без погон, так что узнать его звание было невозможно. Через открытый ворот гимнастерки видны витки окровавленного бинта. Вот что он, бывший командир торпедного катера, рассказал:

- Однажды я участвовал в операции по уничтожению немецкого транспорта с солдатами и техникой. Перед рассветом из бухты Геленджик вышли три торпедных катера. Возглавлял группу лейтенант Иван Петрович Шенгур. На его катере была установлена эрэсовская аппаратура для стрельбы реактивными снарядами. Туман рассеивался, впереди обозначился силуэт немецкого транспорта. В шлемофоне - команда: "Атакуйте двумя торпедами, я прикрою огнем". Я выпустил торпеды. Раздался взрыв большой силы, транспорт, разломившись, погружался в воду. Но с правого борта настигали немецкие катера. Убит моторист. Второй снаряд - в командирскую рубку. Осколками убит боцман и тяжело ранен главстаршина. И я тоже. На одном моторе уходили от немцев. Спас залп "катюши" с катера лейтенанта. А дальше - госпиталь в Тбилиси, потом в Ташкенте. Я был готов к выписке и направлению в часть, когда пришло письмо, подписанное председателем Президиума Верховного Совета СССР Калининым. Мне предлагалось прибыть в Москву за получением награды и звания Героя Советского Союза. В госпитале я крепко подружился с одним летчиком, он уже получил направление куда-то под Ташкент. И вот мы порешили, что он на своем самолете доставит меня в Москву, благо ему разрешены тренировочные полеты.

Подлетаем к Челябинску, он и говорит: "Послушай! В Челябинске у меня семья, не видел с самого начала войны. Остановимся?" - " Так мои тоже в Челябинске. Давай!"

Так как документов на право полета в Москву не было, сели за городом на свободное поле у леса. У земли

самолет дернуло, резко крутануло и, перевернувшись, он упал на землю колесами вверх с изуродованным правым крылом. Прибежали дети, за ними женщины, работавшие на огородах, охали и вздыхали. Малыши закричали: "А вон под самолетом летчики лежат!" Вскоре подъехала милиция. Прибыл подъемный кран. Самолет поставили на колеса, а нас отвезли в госпиталь. В палате безотлучно дежурил милиционер. Через три дня мы оклемались и были тут же арестованы как угонщики. Судил военный трибунал, приговорил обоих к десяти годам, которые заменили отправкой в штрафной батальон, - искупать вину кровью. Вот оттуда я и возвращаюсь. Искупил.

В. КАПЛАН, Харьков: После освобождения Харькова мы расположились в маленьком селе в Полтавской области. Старшина раздал нам табак и сахар. Я отсыпал сахара на блюдце и дал хозяйке. Она посадила себе на колени сынишку, но расправиться со всем сахаром не позволила. Он заплакал и стал орать: "Мамо, дай силы!" Я даже испугался: не перепутал ли чего старшина. Попробовал - да нет, сахар! Женщина объяснила, что мальчик родился перед самой войной и никогда еще не пробовал сахара. Мы молча переглянулись и отдали ей весь свой сладкий паек.

Римма Сергеевна МАРЫСАЕВА, Московская область, Долгопрудный: Летом 44-го, получив телеграмму от мамы, я поехала к ней на Кавказ. Везу маме письма Георгия, моего брата. С первых дней войны он в Ленинграде, в разведроту, всю блокаду. Ехала в вагоне для военных. В плацкартном купе - десять человек. Среди них - выписанные из госпиталей. Глубже всего вошел в душу грузин лет 19-20, не больше, лежавший на боковой верхней полке. Красив был, очень красив. А глаза! В них столько гнева и боли, что утонуть можно было в этих страданиях. У него не было ни рук, ни ног. Медсестра везла его в родной Тбилиси. Иногда он начинал кричать по-грузински, и тогда со всего вагона сбегались грузины и пели ему свои песни. Он пел с ними, и глаза вдруг становились веселыми, озорными. Но очень ненадолго. Всю дорогу я глотала ком в горле, чтобы не разрыдаться.

Ариф ГЕЛЬБИ, Баку: После освобождения села в хате бабушки Горпины ночевал сержант Филипп Костенко. Угощая его молоком, пожаловалась: как немцев погнали, так у коровы пропало молоко. Давала почти ведро, а теперь - кувшин. Посмотрел сержант корову, вроде нормальная, только очень нервная. Обещал позвать ветеринара. А ночью, проходя мимо сарая, услышал какое-то чмокание. Распахнул дверь: у задних ног коровы стоял на четвереньках, впившись ртом в вымя, обросший человек. На свет фонарика лохматая образина бросилась к стене. Огромный фельдфебель с поднятыми руками. Оказалось, квартировал у соседки Горпины, а удрать не успел.

Сергей Павлович ИВАНОВ, Кропоткин: Наши войска выходили к Балтийскому морю в Померании. Сражался здесь и 75-й гвардейский минометный полк, в котором я прошел всю войну. Ночь, но люди не спали. Командир батареи получил приказ сменить огневую позицию. И вот "катюши" без чехлов помчались к деревне, свободной, по данным разведки, от немцев. Там - тишина. Только мычат недоенные коровы. И вдруг совсем рядом - выстрел из дома, у которого остановилась наша первая машина. Солдаты, вбежавшие в дом, быстро вернулись. Докладывают: немецкий офицер застрелился из парабеллума, а в соседней комнате лежат женщина и двое малышей, изо рта идет пена. В дом бросился военфельдшер Королев. Велел нести из коровника молоко. Через два дня детишки стали поправляться. Женщина рассказала, что муж еще вечером сказал: "Все кончено. Тебе и детям нельзя попасть в их руки". Когда услышал звук приближающихся машин, стал торопливо поить сына и дочку из стакана. Под дулом пистолета выпила отраву и жена, после чего потеряла сознание. Плакала, с трудом находила слова: "Вы, русские, спасли нас! Мои дети будут всегда помнить это".

Где теперь тот мальчик и та девочка? Помнят ли?

Приказано: окончить войну!

Ольга ЗАНОЗНАЯ, Черновцы: День Победы я встретила в Берлине, на стенах рейхстага трижды расписалась кирпичом и углем, писали большими буквами, чтобы другие солдаты могли разыскать земляков и родственников, тогда это было очень дорого. Один радостный эпизод тех дней не забываю: рядовой Иван Хлебник заменил нам, девушкам, кирзовые сапоги на легкие брезентовые, которые сам сшил. Позже, впервые в моей жизни, мне вручили серые туфельки, сделанные руками того же Ивана, а солдаты подарили букет полевых цветов к моему 20-летию.

Н. ТОМЛЕНОВ: В ходе войны немцы сняли с производства бомбардировщики "Хайнкель-111", так как они не могли обороняться от наших истребителей. В ту их неспособность, а значит, и в победу, внесли свой вклад и узники из лагеря Заксенхаузен, а именно - бригада автогенщиков из цеха № 3. Мы придумали такую технологию сварки турелей - не монолитную, а точечную, она не выдерживала нагрузку, и при включении огня

стык расходился. Тогда, в 43-м, и было возвращено очень много "брака". Следствию ни до чего докопаться не удалось. Думаю, нас прикрыли немецкие мастера. То ли себя спасали, то ли еще по какой причине.

В. БОЧАРОВ: Это не представить тому, кто не был 1 мая вблизи рейхстага, не видел, не слышал артподготовку перед штурмом. Огненный шквал, кромешный ад. Солнечный майский день, а темно. Наш 396-й самоходный артполк находился примерно в 300 метрах от рейхстага. Но уже утром 2 мая наступила тишина. Пролетел слух, что конец войне! Солдаты выскакивали из машин, катались по земле, целовались и даже плакали. Что творилось, уму непостижимо. И вот сели мы под гусеницы нашей самоходки прямо на асфальт с пятнами крови. Первую стопку - за тех, кто не дожил. Вдруг появились как грибы маленькие детишки. Мы поманили их руками и улыбками, накормили и еще кое-чего с собой дали.

М.Е. ЯБЛОН, учитель, Баку: Посылаю для "Известий" маленькую выдержку из воспоминаний капитана I ранга Игоря Николаевича Соловьева, которые он прислал по просьбе юных следопытов из бакинской школы № 91.

"Самый памятный день моей жизни? День Победы. Я служил матросом на лидере эсминцев "Баку". И в ту ночь - с 8-го на 9-е - был дневальным по кубрику. Около трех часов ночи меня вызвал дежурный по кораблю, сказал: "Давай сигнал: вставать! Окончить войну!" Во всю силу легких я засвистел в боцманскую дудку: "Окончить войну!" Этого сигнала страна ждала четыре года".

Автор: Артур Скальский © Известия.Ру ИСТОРИЯ , РОССИЯ 👁 7849 10.05.2004, 11:05 📌 538
URL: <https://babr24.com/?ADE=12855> Bytes: 23998 / 23938 Версия для печати

👍 Порекомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

ДРУГИЕ СТАТЬИ В СЮЖЕТЕ: ["ПОБЕДА ВО II МИРОВОЙ ВОЙНЕ"](#)

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)